

П. Ю. РАХШИМ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЗАЩИТА БУНТА ПРОТИВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

В статье анализируется концепция американского автора Л. Харриса, в соответствии с которой основной внутрицивилизационной проблемой современного Запада, и прежде всего США, является противоречие между либеральной интеллектуальной элитой и консервативными популистами.

Ключевые слова: *цивилизация, элита, либерализм, консерватизм, популизм, идентичность, Орнери.*

Книги Ли Харриса вызвали резонанс не только в его стране, но и за пределами США. К политической философии он пришел не сразу. Побудительным мотивом послужили события 11 сентября 2001 г. За плечами Харриса университет Эмори, разнообразная трудовая и творческая деятельность, в том числе и сочинение романов. В статусе независимого автора он живет в небольшом городке штата Джорджия, часто публикуется в периодических изданиях в основном консервативной ориентации. С 2004 по 2010 гг. опубликованы три его книги. Между двумя первыми – очевидная связь; названия говорят сами за себя: «Цивилизация и ее враги. Грядущая стадия истории» (2004) и «Самоубийство разума. Радикальный ислам – угроза Просвещению» (2007). Еще через три года появилась третья книга (о ней и пойдет речь), под названием, на первый взгляд, не связанным с двумя предыдущими: «Будущая американская гражданская война. Популистский мятеж против либеральной элиты» (2010). Тем не менее, она органично вплетена в харрисовскую трилогию.

Поскольку Харрис занимается цивилизационной проблематикой, не может не возникнуть вопрос о том, как соотносятся его взгляды со ставшими почти парадигматическими подходами Ф. Фукуямы и С. Хантингтона? В самом общем виде можно сказать, что он решительно отвергает идею «конца истории» Фукуямы и в то же время высказывается жестче Хантингтона. В «Самоубийстве разума» Харрис исходит из того, что нет гарантии непрерывного прогресса, нет надежды на «конец истории», на «золотой век», когда у людей не будет больше побуждений к конфликтам и битвам. Более того, утверждает Харрис, «не может быть гарантий, что эти битвы будут просто не доходящими до решительного исхода столкновениями цивилизаций. Напротив, есть все основания предполагать, что грядущие сражения будут завершаться триумфом од-

ной цивилизации и гибелью другой»¹. В предисловии Харрис пишет: «то, что происходит, – это даже не простое столкновение цивилизаций. Вместо этого происходит нечто такое, о чем наши лидеры не желают помышлять – крушение цивилизации, какой мы ее знаем». «Лидеры Запада отказываются думать о худшем. Но отказ от этого – лучший путь к тому, чтобы худшее свершилось... Поэтому каждому необходимо подумать о самом худшем. Вот почему я написал эту книгу»².

В первых двух книгах Харрис рисует образ главного врага западной цивилизации – радикального ислама. Его фанатизму Запад пытается противопоставить свой, унаследованный от Просвещения рационализм, демонстрируя очевидное непонимание сути и масштаба угрозы. Рационализм заведомо обречен на поражение в столкновении с экстремизмом фанатиков. С позиции разума, убежден Харрис, просто невозможно понять природу врага, так как лидеры Запада и интеллектуальная элита, будучи «рациональными актерами», считают, что их противники тоже являются таковыми. Между тем западным «рациональным актерам», противостоят акторы совершенно другого типа. Их Харрис именует «трайбалистскими», поскольку они привыкли жить по закону джунглей. Цель фанатиков – разрушить западный мир, но современный либеральный Запад неспособен принять всерьез вызов фанатизма.

Западу не пошел впрок урок «мюнхенской политики». Людей, подобных Н. Чемберлену, принято считать простаками и глупцами, тогда как, по мнению Харриса, их беда была в том, что они придерживались «политики разума»³. Однако разум бессилен в столкновении с фанатизмом. Отсюда, на взгляд Харриса, роковым заблуждением является политика «умиротворения» исламских фанатиков. Абсурдно рассчитывать, что в случае пересмотра американской политики по отношению к арабскому миру или Израилю наши враги будут меньше нас ненавидеть, писал он в первой своей книге. Либеральный Запад со своими рациональными правилами игры, со своим эпикурейским, по сути, этосом, для характеристики которого Харрис воспользовался фразой Горация *carpe diem* («лови день»), не готов дать жесткий ответ на смертельный вызов. Поэтому для него собственный этос даже опаснее, чем «угроза, исходящая от культуры, подобной исламу, в которой индивиды вместо того, чтобы искать личное благо, стремятся умирать – и, увы, убивать –

¹ Harris. 2007. P. 9.

² Ibid. P. X–XI. Один из рецензентов «Самоубийства разума» назвал ее автора «трагическим пессимистом». Thornton. 2008.

³ Harris. Op. cit. P. 36.

ради того, чтобы навязать свои культурные традиции тем, кто потерял всякое чувство своих собственных»⁴.

Создателем и основным носителем этого губительного этоса является, по Харрису, интеллектуальная элита Запада, убежденная в том, что история на ее стороне, что каток глобализации, в конечном счете, свершит модернизаторскую миссию. Она привыкла уповать на свое интеллектуальное превосходство, но оно отнюдь не гарантирует успех в столкновении с фанатичным противником. Что касается Харриса, то он придает первостепенное значение иррациональному фактору. В его концептуальном багаже по-современному осмысленные идеи У. Джеймса, В. Парето и в особенности Ж. Сореля. Усилия Харриса нацелены на то, чтобы дать ответ на вопрос: каким может быть путь к спасению западной цивилизации? И если в двух более ранних его книгах доминировал пессимизм, то в третьей звучат оптимистические нотки и высвечиваются контуры спасительного решения.

* * *

Ободряющим сигналом для Харриса явились массовые митинги противников либерального курса Б. Обамы. Начались они весной 2009 года, их участники объединились в «Движение чаепития». Название должно было вызывать исторические ассоциации со знаменитым «Бостонским чаепитием» 1773 года. Движение имело консервативно-популистский характер, его идолом поначалу была Сара Пэйлин, губернатор Аляски и напарница Дж. Маккейна на президентских выборах 2008 г. Вскоре она отказалась от губернаторства, но осталась в политике. Правда, ореол ее потускнел, прежде всего, благодаря массивному натиску на нее могущественных либеральных СМИ⁵.

Характерно, что консерваторам-популистам ситуация, возникшая после избрания 44-го президента США, напоминала времена войны за независимость. Так, известный консервативный радиоведущий Ш. Ханнити утверждал, что приход в Белый дом администрации Обамы создаст такую же угрозу американским свободам, какая существовала в дни Американской революции⁶. Когда республиканец С. Браун в январе 2010 г. победил на выборах в сенат либерального демократа М. Куикли, несмотря на активную поддержку ее со стороны президента, это событие вызвало сравнение с битвой при Конкорде⁷.

⁴ *Harris*. 2007. P. 13.

⁵ *Continetti*. 2009. P. 227.

⁶ *Harris*. 2010. P. 14.

⁷ *Ibid*. P. 2.

Более всего либералы были шокированы массовыми выступлениями сторонников «Движения чаепития», для которых Барак Хусейн Обама был не «их» президентом⁸. Один из самых авторитетных либералов, лауреат Нобелевской премии по экономике П. Кругман пренебрежительно назвал участников движения «сборищем», увидел в них «нечто новое и уродливое на американской политической сцене»⁹. Удивленные и шокированные либеральные комментаторы затруднялись дать ответ, что это за люди, называя их расистами, террористами, неонацистами, лунадиками и т.п. «Но я, – пишет Харрис, – уже знал ответ. Большую часть жизни я провел в Джорджии и знал многих мужчин и женщин, которые могли участвовать в таких городских митингах. Я разговаривал с людьми, которые верили, что Барак Обама – мусульманин, и с теми, кто был уверен, что он радикальный социалист, склонный к тому, чтобы разрушить в Америке все ценное, страстно ими любимое». Они не лунатики или придурки. У них нет желания что-либо взрывать. Но им не нравится, когда другие люди решают за них, как им жить и что им делать. Их воззрения не основываются на теории: «Они никогда даже не слышали о Джоне Локке или Джоне Стюарте Милле, они инстинктивно восприняли максимуму Тома Пейна о том, “что даже самое лучшее правительство – не более чем неизбежное зло”»¹⁰. «Естественные либертарианцы» – такое определение, по Харрису, наиболее адекватно характеризует их жизненную позицию¹¹. Им чужд, тем не менее, доктринальный либертаризм. На чрезмерную, по их представлениям, концентрацию власти в руках правительства они отвечают популистскими бунтами, которые носят антиэлитистский характер. Такие бунты уходят в глубины истории, они направлены против высокомерной элиты. Для популистов не важно, чем она обосновывает свои притязания – благородством крови или высоким IQ. Удивляясь современным выступлениям популистов, либеральная интеллектуальная элита, как и ее конкретный представитель П. Кругман, обнаруживают признаки исторической амнезии¹². Истоки сегодняшней конфронтации связаны с Просвещением. Американская интеллектуальная элита – прямая наследница европейского Просвещения с его культом разума и презрением к традициям, в которых просвещенные интеллектуалы видели препятствие прогрессу.

⁸ Ibid. P. 4.

⁹ Ibid. P. 3–4.

¹⁰ Ibid. P. 5–6.

¹¹ Ibid. P. 6.

¹² Ibid. P. 9–10.

Ситуация усугубляется тем, что сегодня есть немало американцев, «особенно либеральных интеллектуалов, твердо убежденных в том, что путь к спасению Америки – реформация ее институтов и политики по европейским моделям»¹³. Это означает усиление контроля над обществом со стороны профессионалов, принятие мягкого патернализма как единственного реалистического ответа на вызовы XXI века. Под ним подразумевается «невидимая диктатура», гораздо более эффективная, по сравнению с тираниями прошлого. С помощью разнообразных изощренных методов граждане низводятся до статуса «манипулируемых детей». Именно этот, пусть даже мягчайший патернализм «потенциально представляет угрозу подлинной свободе, которую американцы всех политических убеждений ценят превыше всего, а именно: праву быть самим в ответе за свою жизнь и делать выбор по собственному усмотрению»¹⁴. Не случайно критики современного либерального государства называют его «государством-няней».

«Мягкий патернализм» предполагает принятие во внешней политике мультилатеризма и отказ от «ковбойского стиля», а в национальной психологии – признание того, что «дух фронта» и другие традиции ушли в прошлое. По сути дела, речь идет о «постамериканской Америке», теряющей свою исключительность. Естественно, для современных популистов все это «отдает привкусом предательства»¹⁵. Тем не менее, подъем современной интеллектуальной элиты – «не продукт зловещего заговора». Главное – необычайный прогресс в науке и технологии, а их истинная природа «глубоко антидемократична и элитарна». Этот прогресс во многом зависит от «колоколообразной кривой» (the bell curve), «которая правит распределением человеческого интеллекта». «Сложность современной науки и технологии требует большего, нежели здравый смысл обычного человека»¹⁶. Сегодняшние демократии, включая США, – это меритократии, базирующиеся на образовании и способностях. Они, признает Харрис, приносят немало добра, но неизбежно создают интеллектуальную элиту, стремящуюся «улучшить мир», основываясь на идеалах европейского Просвещения, которые «враждебны традиционным ценностям и идеалам простых людей». Представители американской интеллектуальной элиты считают, что обязаны победить «абсурдные традиции и идиотские обычаи». Их не останавливает обстоятельство, что многие американцы не только вполне удовлетво-

¹³ Ibid. P. 58.

¹⁴ Ibid. P. 38.

¹⁵ Ibid. P. 58.

¹⁶ Ibid. P. 74.

ны этими традициями и обычаями, но и «готовы сражаться за их сохранение не на жизнь, а на смерть»¹⁷.

Столкновением консервативных популистов и интеллектуальной элиты, по Харрису, в значительной степени объясняется «современная напряженность в Соединенных Штатах». Эта линия внутренних противоречий становится приоритетной, деление на либералов и консерваторов, левых и правых, республиканцев и демократов устаревает. Если прежде либералы и консерваторы могли приходить к консенсусу, то выдвижение на авансцену когнитивной элиты, полагает Харрис, резко подняло степень враждебности: «Слишком часто она проявляет грубый интеллектуальный снобизм школьника с высоким IQ, который любит дразнить тех, кто ниже его по этому показателю, высмеивая их тупость». Либеральные интеллектуалы не воспринимают с ценностной точки зрения опасения и недовольства своих оппонентов, видя в них всего лишь «популистскую фрустрацию», обусловленную экономическими трудностями¹⁸. И хотя современный популистский бунт, несомненно, связан с экономическим кризисом, но в «гораздо большей мере он – результат глубоко и широко распространившегося культурного отчуждения, которое усугублялось в течение прошедшего десятилетия и разделило американцев на два враждебных лагеря. В этом проглядывают зловещие признаки вырождения в гражданскую войну». По одну сторону культурного водораздела, «высокообразованные мужчины и женщины, сливки американской меритократической системы, искренне убежденные в том, что они представляют прогресс и просвещение». По другую – люди, которые противились тому, чтобы кто-либо управлял ими, и были «полностью убеждены, что они способны лучше справиться со своими собственными делами и контролировать собственные жизни»¹⁹. Насколько серьезно воспринимает Харрис перспективу войны между этими двумя лагерями, свидетельствует название его книги. В предрекаемой им войне между интеллектуальной элитой и консервативными популистами симпатии автора на стороне последних. В связи с этим представляется уместным озаглавить статью о третьей книге Харриса словами одного из ее американских рецензентов Дж. Таранто: «Интеллектуальная защита бунта против интеллектуалов»²⁰.

«Добро пожаловать, популистский мятеж», – таково название первой главы книги. Как пишет Харрис, «самое бурное выражение сего-

¹⁷ Ibid. P. 85.

¹⁸ Ibid. P. 87.

¹⁹ Ibid. P. 88.

²⁰ Taranto. 2010. P. 46.

дняшний популистский мятеж, возможно, нашел в Движении чаепития»²¹. Оно вдохновлялось стремлением к свободе в соответствии с традициями «естественных либертарианцев». Однако наряду с преемственностью оно отличалось существенной новизной: «В прошлом яростный антиэлитизм американских популистов неизменно находился в конфликте с американской консервативной традицией». Целью популизма было свержение коррумпированной и хищной элиты, тогда как консерваторы были поборниками стабильности». «Но сегодня, – по словам Харриса, – популистский мятеж отвергает все формы элитизма, одновременно агрессивно отстаивая свои консервативные принципы»²².

«Более всего консервативных популистов раздражает убежденность в том, что Америка теряет свою историческую уникальность, быстро становится все более и более похожей на европейские страны»²³, – таков, по Харрису, один из главных побудительных мотивов современного популистского бунта. Тем самым США стремительно лишаются «исключительного статуса страны свободы»²⁴. Под угрозой оказываются традиции свободы и независимости, которые изначально закладывались у обитателей Нового Света. Этим Харрис объясняет специфику современного популистского движения, которое одновременно притязает быть и консервативным. У популистов сильна тоска по тем временам ранней американской истории, когда люди в силу исключительных обстоятельств пользовались исключительной свободой. Как убежден Харрис, «сегодня американцам не хватает личных свобод фронта, которыми наслаждались их предки»²⁵. Особая роль принадлежит традициям независимости, чье отличие от большинства прочих обусловлено тем, «что они создают скорее определенный тип личности, чем увековечивают обычаи и институты»²⁶. Было бы заблуждением полагать, будто одержимость свободой и тяга к независимости возникли из-за того, что люди читали памфлеты или трактаты, слушали речи, призывавшие к мятежу или зажигательные проповеди: «их страсть к свободе была интуитивной и диктовалась чувствами, а не рассудком»²⁷. И дело было не в том, пишет Харрис, что «у одних людей был ген свободолюбия, а у других его не было. Скорее отношение людей к свободе являлось продуктом того

²¹ Harris. 2010. P. 39.

²² Ibidem.

²³ Ibid. P. 40.

²⁴ Ibid. P. 43.

²⁵ Ibid. P. 110.

²⁶ Ibid. P. 106.

²⁷ Ibid. P. 124.

типа общества, в котором они родились»²⁸. Люди, собравшиеся в Новом Свете, чтобы избежать деспотизма Старого, «могли стартовать, создавая свое собственное общество, по своим собственным вкусам». А создавая такое общество, они создавали и самих себя. Таким образом, они и зависели от самих себя, то есть были независимыми, «а из их практической повседневной независимости, возник самый парадоксальный из всех человеческих институтов – традиция независимости»²⁹.

Чтобы уберечь себя от тех, кто попытался бы манипулировать ими, люди этого типа должны были создать собственный личный стиль жизни. Эти люди, сделавшие себя сами (self-made men) должны были стать, по определению Харриса, «орнеру»³⁰. Сам он позаимствовал это понятие из лексикона фронтира. Оно плохо поддается переводу. Кто такие «орнери» Харрис раскрывает через присущие этому типу людей признаки. Прежде всего, они решительно выступают против тех, кто пытается ими манипулировать. Их раздражают те, кто в силу более высокого IQ или наследственного статуса хотели бы наставлять их. «Орнери» даже склонны считать, что чрезмерное образование вредит естественному здравому смыслу. Они – мятежники, но не революционеры. Им чужды абстрактные доктрины равенства, и они слишком горды, чтобы быть завистливыми. Для них характерна готовность прийти на помощь друзьям и соседям. «В золотом веке американского кино, – пишет Харрис, – люди типа орнери часто бывали героями, особенно в вестернах»³¹. Во многом их воплощением служили герои Джона Уэйна. В общем орнери, убежден Харрис, представляют собой тип людей «наиболее релевантный для понимания сегодняшнего популистского бунта»³². Или еще точнее: традиция орнеризма жива сегодня в «Движении чаепития» и среди тех американцев, которые ему симпатизируют³³.

Популистские мятежи, пусть даже в большинстве своем неудачные, настаивает Харрис, «внесли вклад в дело человеческой свободы»³⁴. В качестве доказательства у него фигурирует серия мятежей от Уота Тайлера и Джона Болла в Англии XIV в. до Дэниэла Шейса в Америке XVIII в. Если иметь ввиду Америку, то чрезвычайно важное значение для США имел мирный популистский мятеж Э. Джексона. Сам 7-й пре-

²⁸ Ibid. P. 125.

²⁹ Ibid. P. 128.

³⁰ Ibid. P. 136.

³¹ Ibid. P. 139.

³² Ibid. P. 144.

³³ Ibid. P. 179.

³⁴ Ibid. P. 192.

зидент США представлял собой ярко выраженный тип орнери, а его мятеж Харрис оценил как «необходимый шаг в создании современной демократии»³⁵. Бунтарскую традицию он отнюдь не считает препятствием для прогресса, а видит в ней «обязательную предпосылку для создания и сохранения свободных и самоуправляющихся обществ»³⁶.

Бунт обычно несет в себе иррациональный заряд той или иной мощности. В связи с этим Харрис обращается к одной из главных идей своей трилогии: «Если бы свобода зависела только от рациональных акторов, делающих рациональный выбор, она давно бы погибла. Иногда, наилучший – и на самом деле единственный – путь сохранить любовь и страсть к свободе – это бесцельные и тщетные, на поверхностный взгляд, мятежи»³⁷. К счастью для дела свободы, их участники не руководствовались рациональными расчетами, а погружались в свои мятежи, не думая о последствиях, не останавливаясь перед применением иррационального насилия. Между тем «наивный либерализм», «доминирующая политическая философия нашего времени», пытается рационалистически истолковать страсть к свободе, игнорируя свойственный ей «иррациональный драйв»³⁸. Своим решительным вмешательством современные орнери, уверен Харрис, защищают всех американцев, включая тех, кто не разделяет их идеологии и отношения к жизни: «Отказываясь признавать авторитет когнитивной элиты, ее право принимать за них решения, орнери предохраняют нас от опасности бюрократического тоталитаризма»³⁹.

Современные консервативные популисты – преемники орнери. Их позиция заключается в том, что определенные традиции, проверенные временем доказали свою ценность в создании и сохранении свободных обществ. Многие из этих традиций, настоятельно подчеркивает Харрис, жизненно необходимы для сохранения «нашего коллективного чувства национальной идентичности». «На протяжении всей книги, – подводит итог автор, – я утверждал, что невозможно повернуть стрелку часов к нашим ранним дням. Мы не в состоянии вернуть Америку к началу XIX в. Но еще возможно оживить традиции прошлого, привести их в соответствие с современностью в духе прагматического эклектизма»⁴⁰.

За сегодняшним противостоянием консервативных популистов и интеллектуальной элиты Харрис видит «вечный антагонизм между сво-

³⁵ Ibid. P. 157.

³⁶ Ibid. P. 92.

³⁷ Ibid. P. 180.

³⁸ Ibid. P. 203.

³⁹ Ibid. P. 216.

⁴⁰ Ibid. P. 230.

бодой и цивилизацией. Чем больше у вас одной, тем меньше другой»⁴¹. Современным американцам недостает многих свобод, которыми обладали их предки времен фронта, зато они «более чем компенсированы результатами подъема наших стандартов цивилизации»⁴². Но сегодня возникает вопрос, не теряют ли американцы слишком много свободы, даже если потери компенсируются ростом богатства и влияния? Для многих консерваторов-популистов ответ на этот вопрос означает выбор за или против свободы. Сам же Харрис не разделяет такой, по сути, децизионистской позиции. Для него дело не в выборе по принципу «или-или», а в достижении баланса между двумя часто конфликтующими ценностями: «свободой делать то, чего вам хочется, с одной стороны, и порядком, стабильностью и комфортом цивилизации – с другой»⁴³.

Америка может оставаться богатой, сильной и свободной только «благодаря тщательно сбалансированной и непрерывно освежаемой гражданской экологии». Но трудно объяснить Рашу Лимбо и Энн Коултер (наиболее непримиримые консервативные противники либералов – *П. Р.*), почему нужны либералы, а сотрудникам «Нью-Йорк Таймс ревью оф букс» (архетип либералов – *П. Р.*), почему американцам нужны Раш Лимбо и Энн Коултер. Для США жизненно необходим «деликатный баланс нашей гражданской экологии, в которой сосуществовали бы и сталкивались различные типы личностей, стили жизни, религиозные взгляды»⁴⁴. Конечно, к такому компромиссу прийти нелегко. Но, с другой стороны, если его легко достигнуть, тогда он вряд ли будет серьезным. Необходимы терпение и упорство. Важно отметить, что речь идет о компромиссе, а не консенсусе, который предполагает определенную степень совпадения ценностей. Это убедительно свидетельствует о серьезности противоречия, которое может быть скорее смягчено, чем преодолено. «Современный популистский бунт, включая Движение чаепития, мог бы оказать оздоравливающее влияние на наше общество, вынудив нашу когнитивную элиту серьезнее, чем теперь, воспринимать страхи и чаяния простых людей»⁴⁵. Иначе велик риск новой гражданской войны. «Нашей просвещенной элите следует помнить, что трудно убедить человека принять ваши идеи, если вы презираете его идеи»⁴⁶, – предостерегает Харрис. Если либеральная элита искренне желает улуч-

⁴¹ Ibid. P. 109.

⁴² Ibid. P. 111.

⁴³ Ibid. P. 200.

⁴⁴ Ibid. P. 218-219.

⁴⁵ Ibid. P. 224.

⁴⁶ Ibid. P. 231.

шить общество, ей следует кое-чему поучиться у естественных либертарианцев-орнери. «Мы не можем жить без нашей когнитивной элиты, но мы определенно не хотим жить под ней»⁴⁷, – гласит вердикт Харриса. Если такая элита обеспечивает интеллектуальный потенциал западной цивилизации, то орнери, в наши дни – это консервативные популисты, которые предотвращают ее декаданс. Они являются ферментом, придающим Америке, а тем самым и всей западной цивилизации иррациональную витальность, столь необходимую для защиты и выживания. Иными словами, орнеризм у Харриса предстает как фактор, способный спасти западную цивилизацию от самой себя и от внешних врагов.

* * *

Американские рецензенты анализируют книгу Харриса преимущественно во внутриамериканском контексте. Между тем американская проблематика трактуется автором под цивилизационным углом зрения. Его третья книга, как уже отмечалось, – органичный элемент трилогии. Она весьма насыщена концептуально. В этом ее привлекательность, но в то же время и причина ряда недостатков. Обычно выстраивание концепций сопряжено с тем, что строительный материал вольно или невольно, в той или иной мере «обтесывается» под конструкцию.

Так, в концепции Харриса решающее значение придается когнитивной элите. Действительно, ее роль чрезвычайно велика, особенно в науке, образовании, экспертном сообществе, СМИ. Она в значительной степени определяет духовный климат страны. Однако Харрис обходит вниманием еще более могущественный сегмент элиты – ее представителей С. Хантингтон характеризовал как «экономических транснационалистов» и «глобалистов», которые «рассматривают весь мир как единую сущность. Дом для них – не национальный мир, а глобальный рынок»⁴⁸. «В США представители этой элиты составляют менее 4 процентов от общего населения страны; они не нуждаются в национальной идентичности»⁴⁹, – отмечает он. Эти люди менее националистичны и более либеральны, чем американская публика. «У них больше общего с себе подобными в Брюсселе или Гонконге, нежели с массой американцев»⁵⁰, – писал еще раньше известный американский ученый К. Лэш.

Такое отношение глобалистов к американской национальной идентичности, «государству-нации», естественно сказывается на их подходах

⁴⁷ Ibid. P. 76.

⁴⁸ Хантингтон. 2004. С. 420.

⁴⁹ Там же. С. 421.

⁵⁰ Лэш. 2002. С. 31.

к мультикультурализму, иммиграции, борьбе с терроризмом. Влияние этой ветви элиты чрезвычайно велико в социально-экономической и политической сферах. У нее много точек пересечения с либеральной когнитивной элитой. Среди глобалистов есть и либеральные консерваторы.

Видимо, по концептуальным соображениям Харрис преувеличивает степень новизны популистского консерватизма. Во всяком случае, популисты такого типа играли заметную роль среди приверженцев Б. Голдуотера еще в 1960-х гг. Преувеличением грешит, на наш взгляд, и оценка потенциала консерваторов-популистов, этих современных «орнери». США успели довольно далеко продвинуться по западноевропейскому пути. Весьма велик удельный вес американцев, склонных полагаться не столько на самих себя, сколько на «государство-няню». Правда, традиционалистский ресурс в Америке в отличие от социал-демократизированной Западной Европы еще отнюдь не исчерпан.

Заслуживает критического комментария еще один концептуальный аспект книги Харриса. Имеется в виду его мысль о том, что противостояние между популистами и когнитивной элитой превращается в основную линию поляризации, вытесняя привычное деление на либералов и консерваторов, левых и правых, республиканцев и демократов. Бесспорно, в XXI в. границы между успешными стать традиционными идейно-политическими течениями, все более утрачивают устойчивые очертания. Сами эти течения подвергаются фрагментации, из-за чего внутри них возникает сложная палитра тонов и оттенков. Все же, в конечном счете, сквозь эту пеструю цветовую гамму просвечивают пусть более причудливые, но, тем не менее, распознаваемые образы тех же консерватизма и либерализма. Что же касается поляризации, то консервативные популисты, несомненно, ее обострили, причем не только между либералами и консерваторами, но и в самом консервативном лагере, где немало консерваторов, прежде всего либерального толка, негативно воспринимают популизм.

Наконец, уже не в плане критики хотелось бы высказать соображение по поводу антагонизма между интеллектуальной элитой и консервативными популистами. В этой связи есть смысл вспомнить теорию «культурного отставания», выдвинутую еще в первой половине прошлого века американским социологом У. Огборном. Он указал на постоянно увеличивающийся разрыв между материальной и «адаптивной» культурами⁵¹. Как раз в этом, по словам футуролога Э. Тоффлера, кроется причина социальных стрессов. С нарастающим темпом роста изме-

⁵¹ Беккер, Босков. 1961. С. 397.

нений, расширением разрыва между объемом знаний и информации, с одной стороны, и способностью массы людей его осваивать – с другой, возникает ситуация непрерывного «футурошока».

Об этом ярко и емко пишет известный российский философ Г. Померанц: «процессы, требующие веков, становятся катастрофой при изменении темпа. Культура – не машина, ее нельзя ускорить. Целостность культуры не успевает впитать и усвоить поток нового, созданный наукой и техникой. Говоря в терминах Шпенглера, скорости, созданные цивилизацией, рвут культуру на части»⁵².

Это характерно не только для стран с относительно архаическим уровнем развития, но и для продвинутой цивилизации. Именно в этом контексте проблема взаимоотношений между интеллектуальной элитой и массами далеко выходит за рамки идейно-политических течений, хотя их наличие серьезно усугубляет ситуацию.

Книга Ли Харриса является одновременно диагнозом, рецептом и симптомом. Как раз в этом последнем своем качестве она особенно интересна, отражая остроту и глубину межцивилизационных и внутрицивилизационных противоречий современности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М. Иностранная литература. 1961. 896 с.
- Лэй К. Восстание элит. М. Логос. 2002. 224 с.
- Померанц Г. Живучесть древних основ // Знамя. М. 2004. № 8.
- Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. Транзиткнига. 2004. 637 с.
- Continetti M. The Persecution of Sara Pailin. New York. Sentinel. 2009. 227 p.
- Harris L. Civilization and Its Enemies. The Next Stage of History. New York. Free Press. 2004. 256 p.
- Harris L. The Suicide of Reason. Radical Islam's Threat to the Enlightenment. New York. Basic Books. 290 p.
- Harris L. The Next American Civil War. The Populist Revolt against the Liberal Elite. New York. Palgrave Macmillan. 2010. 248 p.
- Taranto J. Ordinary Ormery // Politics and Ideas. 2010. June. P. 46-47.
- Thornton B. The New Individualist. 2008 [Электронный ресурс]. – URL: April 26/http://www.lee-harris.org/2512/the-swicide-of-reason

Рахмиров Павел Юхимович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой новой и новейшей истории историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета им. М. Горького; modhist@yandex.ru

⁵² Померанц. С. 187.